

Дорогие коллеги!

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию необычные публикации. Кто-то удивится и пожмёт плечами: статьи напечатаны в старой орфографии. Да, мы решили пойти на такое исключение из правил, чтобы ближе познакомиться с голосами педагогической прессы далёкого, но не потерявшего актуальности прошлого. Академик Яков Грот — ключевая фигура отечественной гуманитарной мысли. Рассуждая об очередной школьной реформе, Грот интеллектуально удивительно раскрепощён. Если критикует, то уж критикует... Как давно мы не читали таких академиков!.. Быть может, в этом и состоит честность учёного? В то время спор о классическом и реальном образовании казался неразрешимым, тупиковым. А Грот предлагал мудрый компромисс. Сейчас это читается как детектив, к тому же нам есть чему поучиться у академика. Не менее интересен материал П. В. Засодимского «Из воспоминаний сельского учителя», основательный и вольнолюбивый. Это ни перед кем не лебезящий собеседник, который болеет за народное образование и пишет о его проблемах субъективно. Да, наши предшественники чурались общих слов и стереотипных размышлений. Уверены, что сегодня это чтение и полезно, и поучительно.

*Арсений Замостьянов, заместитель главного редактора журнала «Историк»,
член редколлегии журнала «Народное образование»*

Я. К. Грот

КЪ ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ русской школы

По поводу школьной реформы: О необходимых элементах общего образования и воспитания / [Соч.] Я. К. Грота. Санкт-Петербург: тип. М-ва пут. сообщения (т-ва И. Н. Кушнерев и К°), 1901. 42 с.

Несомненно огромное большинство русского общества радостно приветствовало решение правительства приступить к реформе средней школы, имеющей извратить последнюю от тисков столь непопулярной такъ называемой «классической», а вернее псевдоклассической системы и дать ей более соответственное потребностямъ и запросамъ времени направление и национальную основу.

И как не сочувствовать такой задаче обществу, которое так много настрадалось от несостоятельности этой навязанной ему безпочвенной и бездушной учебной системы и наносимаго ею уже столько летъ вреда!

Важность и великость предстоящаго дела требовало самого осторожнаго, строгаго и обдуманнаго къ нему отношенія. Это сознавалось и обществомъ русскимъ и правительственными сферами. Известно, какъ много компетентныхъ лицъ призывалось для обсужденія вопроса еще въ министерство покойнаго Н. П. Боголепова и какъ много собрано имъ матеріала и мненій. Мы знаемъ, какъ давно уже вопросъ реформы обсуждается въ печати и какая о немъ уже составила обширная литература. Но значить ли это, что вопросъ исчерпанъ, наилучшее решеніе его найдено, все справедливыя общественныя требованія удовлетворены и остается только законодательнымъ путемъ провести выработанные последней созванной въ министерстве комиссіей планы и программы?

Можно бы подумать, что такъ оно и есть — судя по тому шумному и торжествующему одобренію, съ какимъ эти новыя положенія были встречены значительною частью нашей печати и некоторыми слишкомъ уже предубежденными и неглубоко вникающими въ дело слоями нашего общества.

Въ действительности однакожь безпристрастнымъ и серьезнымъ приверженцамъ истинно-національной реформы русской школы едва-ли позволительно быть удовлетворенными недавно обнародованными предначертаніями ея, и нельзя не удивляться, что некоторые

влиятельные національные органы нашей печати, горячо проповедывавшіе націонализацию средней школы, такъ безусловно одобряютъ главнейшія предположенныя нововведенія, сводящіяся прежде всего къ совершенному упраздненію «классицизма», особенно къ изгнанію греческаго языка изъ русской школы, затемъ къ усиленію реального направленія и къ созданію двухъ новыхъ предметовъ, отчизноведенія и правоведенія.

Къ счастью, мы прочли недавно официальное подтвержденіе, что на опубликованныя новыя положенія и программы не следуетъ смотреть, какъ на нечто окончательное и не подлежащее более никакимъ измененіямъ, что это — проектъ, подлежащій еще новому осужденію въ имеющей быть созванной новой комиссіи.

Прежде всего мы должны высказать свой взглядъ на осужденную ныне «классическую систему» въ виду того хаоса мненій и толковъ, который она вызывала даже въ подавляющемъ большинстве ея противниковъ. Читатель уже изъ первыхъ словъ этой заметки могъ усмотреть, что и мы относимся къ ней отрицательно. Да иначе, по нашему мненію, и нельзя къ ней относиться уже въ силу того, что она — отнюдь не національна, совершенно искусственна, мертва и лишена живыхъ, плодотворныхъ образовательныхъ началъ и пріемовъ.

Конечно, результаты ея 30-лѣтняго дѣйствія не могли не быть плачевны, а потому и вызвала она такое единодушное осужденіе, а въ массе общества даже ненависть.

Но, къ сожаленію, въ этой русской общественной массе господствуетъ одно прискорбное заблужденіе или недоразуменіе, которое свидѣтельствуешь о недостаточномъ вниканіи въ глубину и сущность дела, о поверхностномъ отношеніи къ нему и слишкомъ поспешной критикѣ, о господствѣ предубежденій и пристрастій у большинства вместо здраваго разсужденія и основательнаго изслѣдованія предмета.

Заблужденіе это заключается въ томъ, что большинство смѣшиваетъ осужденную учебную систему, господствующіе методы, воспитательные и педагогическіе приемы и режимъ съ самымъ учебнымъ матеріаломъ, съ теми предметами, которые явились несчастными орудіями въ рукахъ насадителей и деятелей этой системы и этого режима, и вместо того, чтобы всецѣло бичевать эти послѣдніе, действительно изуродовавшіе нашу школу и нанесшіе несомненный вредъ столькимъ юнымъ поколѣніямъ, они всею тяжестью своихъ осужденій и ненависти обрушиваются на те, ни въ чемъ неповинные предметы, которые стали главными орудіями этой нелепой образовательной системы, т. е. на древніе языки. Они одни будто бы во всемъ виноваты и въ изгнаніи ихъ должна состоять главнымъ образомъ реформа школы. Это походитъ несколько на то, еслибъ родители лишили навсегда своихъ детей какого-нибудь полезнаго вида пищи, напримеръ плодовъ, изъ-за того, что дети заболѣли, неумеренно поевъ этихъ плодовъ незрѣлыми, да еще и неочищенными! Неужели это было бы целесообразно и умно? Да конечно и не найдется такихъ наивныхъ людей: въ подобномъ случаѣ только регулируютъ діету детей и позаботятся о болѣе осторожномъ, рациональномъ ихъ питаніи. Не ясно ли, что отождествлять такъ называемую у насъ «классическую систему» съ разумнымъ изученіемъ древнихъ языковъ

ни съ чемъ не сообразно. Дѣлать послѣдніе ответственными въ негодности первой въ высшей степени несправедливо.

Древніе языки были действительно вредны и стали многимъ ненавистны лишь потому, что ими злоупотребляли, что ими пичкали юныя поколѣнія въ излишнемъ, неумеренномъ количествѣ и при томъ самымъ нераціональнымъ и безсмысленнымъ способомъ. Но дело въ томъ, что не въ этомъ только заключалось все зло и вся несостоятельность этой псевдо-классической системы. Система эта по существу своему, какъ цѣлый учебный строй и принципъ, гораздо шире и глубже и вовсе не исчерпывается неправильной постановкой именно древнихъ языковъ. Вообще въ ней нѣтъ ничего, обусловливаемого истиннымъ «классицизмомъ». Мы видимъ теперь, что никто не нанесъ болѣе вреда этому классицизму и изученію у насъ древнихъ языковъ, и не явился большимъ врагомъ ихъ, какъ именно создатели этой несчастной «классической системы». Какіе угодно другіе предметы средняго образованія могли бы быть поставлены «во главу угла», на место древнихъ языковъ, и «система» отъ того не изменилась бы.

Эта система, это направленіе, этотъ духъ, проникавшій донинѣ всю школу, все преподаваніе (одинаково всехъ предметовъ) и учебную жизнь сверху донизу, не имѣютъ ничего общаго съ элементами классическаго образованія, и ихъ породилъ и внедрилъ въ наши гимназій

(да и въ другія школы) конечно не «классицизмъ», а личные взгляды, характеръ и духъ и главное — отсутствіе истинно-педагогическаго чутія у создателей нынешней русской школы.

А разъ даны были тонъ, закваска и сухія формы, система начала расти и развиваться и достигла чудовищныхъ явленій... Когда общественное мнѣніе обвинило во всемъ древніе языки, какъ *фирму* и такъ сказать внешнего, явнаго виновника учебнаго гнѣта, то подъ этимъ давленіемъ въ преподаваніи латинскаго и греческаго языковъ были сделаны существенныя ограниченія и уступки, и что же? Школьное дело мало отъ этого выиграло, ибо система, режимъ, духъ остались те же, педагогическіе приемы и условія не изменились, однимъ словомъ, сущность школы осталась старою. Въ чемъ заключается эта пресловутая система, эти приемы и духъ нашей школы — это слишкомъ хорошо должно быть известно всякому, ее прошедшему или имевшему съ ней дело, если только онъ способенъ вникнуть въ явленія, а не петь съ чужого голоса, что все зло лишь въ древнихъ языкахъ. Да и достаточно объ этомъ уже писалось. Сухіе, бездушные, иногда прямо тупые приемы преподаванія, спроса и задаванія уроковъ, преобладаніе формы надъ духомъ, зубрѣжъ и бессмысленное заучиваніе наизусть вокабулъ, именъ и грамматическихъ правилъ, придирчивая система балловъ и экзаменовъ на самыхъ безпощадныхъ началахъ, мертвящій формализмъ во всемъ и полицейско-бюрократическое начало вместо здоровыхъ человеческихъ отношеній педагоговъ къ учащимся, система страха, запугиванья и внешней муштровки взаменъ сердечности и искренности, какъ на-

чалъ истинной педагоги, — вотъ крупныя и коренныя грехи нашей современной школы, разумеется, не безъ многихъ отраднѣхъ исключеній, и прежде всего въ этомъ направленіи она и должна быть реформирована. Вотъ первая существенная задача реформы. Вторая не менее важная задача состоитъ въ постановке ея на свое русское, самобытное основаніе, въ приданіи національнаго направленія и характера всему кругу предметовъ гимназическаго образованія, и ихъ трактованію, словомъ, въ націонализациі школы.

Но ни та, ни другая задача — съ нашей точки зренія — не требуетъ изгнанія классическихъ элементовъ общаго гуманистическаго образованія, т. е. одного или обоихъ древнихъ языковъ изъ программы общеобразовательной средней школы. Скажемъ прямо: мы противъ этого изгнанія. Только ищущіе спеціально реального образованія могли бы быть, пожалуй, освобождены отъ одного изъ древнихъ языковъ, если вообще допустить начало спеціализаціи, и следовательно какую-либо бифуркацію въ средней школе.

Но самую крупную и вопіющею ошибкою въ новомъ проекте мы считаемъ изгнаніе именно *греческаго языка* изъ общеобразовательной русской школы. Съ точки зренія задачи націонализаціи, по поводу которой мы и решились высказать несколько мыслей, такая коренная мера, какъ устраненіе греческаго языка, является совершенно непонятной и — скажемъ прямо — несообразной съ главной идеей реформы, съ стремленіемъ поставить

среднее образование на более самобытную, национальную, а следовательно и более реальную почву. Если уже с точки зрения руководителей преобразования нужно было во что бы то ни стало выбросить один из древних языков, то отчего не латинский? Как можно было посягнуть на греческий, т. е. именно на тот, который для русского человека, для его национального сознания, для изучения прошлого его народа и родины имеет наибольшее значение и цену?

Увы! В этом факте красноречиво сказалась отсталость и непроясненность нашего самосознания, наше западничество и беспочвенность. Устранение из русской школы греческого языка есть акт, прямо идущий в разрез с идеей национализации образования и поддержания наших культурно-исторических традиций. Только совершенно отрицательное отношение к последним могло бы оправдать такую меру. Но возможно ли предположить у преобразователей такое отрицательное отношение?

Ведь значение греческого языка для русского человека вполне аналогично значению латинского языка — для западного европейца. Неужели нужно еще напоминать, разъяснять это значение, прямо подсказываемое нашей отечественной стариной, историей нашей христианской культуры и православной церкви, судьбами нашего языка, письменности и всей старой литературы? Если для массы нашей так называемой «интеллигенции» не ясна эта роль греческого языка и всего греческого, как византийского, так через него и древнеклассического мира в истории русской культурной жизни, то опять-таки тут виновна наша безхарактерная и космополитическая школа, безсильная дать истинное знание *своего* культурного мира и *своей* истории, и пробудить здоро-

вое национальное самосознание. Но нужно же, наконец, выйти из этого заколдованного круга, и, поняв, в чем заключались грехи прошлого, создать условия для возвращения новых поколений — настоящих русских людей, знающих свою историю, свой род и свою культурную колыбель, с гордостью сознающих себя русскими, стоящих за свою народность и свою самобытность!..

Для скептиков и не дающих себе отчета в своем предубеждении врагов греческого языка мы все-таки должны сказать хоть самое главное в пояснение вышеотмеченного его значения. Подробно разбирать и разъяснять этот достаточно разработанный историческою наукою вопрос мы не намерены.

Мы напомним только факты, которые сами по себе довольно красноречивы. Признаемся, нам как-то даже странно повторять все это — так это элементарно и должно быть общеизвестно, а между тем с этим находят возможным вовсе не считаться, как-будто совершенно упускают все это из виду.

Откуда пошло наше христианство, наша православная вера, начатки и орудия христианского просвещения, наш церковный обиход?

Откуда наша кирилловская славянская и русская азбука, откуда наша древнейшая письменность? С какого языка переведены на старо-церковно-славянский Св. Евангелие, священные

и богослужебныя книги? Кто были апостолы и просветители славянъ, св. Кирилл и Мефодій, давшіе имъ и азбуку, и письменность, какъ орудія распространенія евангельской истины и христіанской культуры, и лично столько поработавшіе надъ этимъ деломъ? Все эти культурныя начала и первообразы, да и первыя умственныя и духовныя силы въ лице славянскихъ апостоловъ даны славянству, а вместе и русскому народу — никемъ инымъ, какъ *греческими* культурой и языкомъ, наследницей греко-римскаго міра — великой Византіей, съ жизнью которой наша древность и старина, наша церковная, культурная и литературная исторія, наконецъ начатки нашей государственности переплетены и связаны безчисленными неразрывными нитями.

Ссылки на то, что Византія — это не древняя Греція, не древнеклассическій міръ, — не могутъ опровергнуть нашего положенія, ибо для насъ, русскихъ, греческій языкъ, помимо своего великаго общекультурнаго значенія, какъ языка Гомера, Софокла, Геродота, Платона и Аристотеля, есть въ особенности ключъ къ уразуменію Византіи, а темъ самымъ и всей русско-славянской древности, источниковъ нашего христіанскаго просвещенія и литературной старины. Теперь уже никто не станетъ оспаривать важности византійскихъ изученій — для русско-славянскихъ древностей языка, письма, литературы и спеціально для русской исторіи.

Между темъ изученія эти далеко не процвѣтають у насъ, и не удивительно, если школа не поддерживаетъ надлежащаго интереса къ нимъ. Лучшіе русскіе люди прошлаго века, несмотря на все неблагопріятныя условія времени, одушевленно двигавшіе русскую на-

уку и просвещеніе, понимали важность византійскихъ изученій, а следовательно главнаго для нихъ орудія — греческаго языка. Вспомнимъ хотя бы канцлера гр. Н. П. Румянцова, Востокова, гр. Уварова, Погодина, Шевырева, Буслаева, славянофиловъ и пр. Они бы не поверили, еслибъ имъ сказали, что черезъ несколько десятилетій, и именно въ моментъ подъема національнаго сознанія, греческій языкъ будетъ признанъ у насъ совершенно лишнимъ, какъ элементъ общаго образованія для русскаго человека!.. Еще въ 1853 г., полвека тому назадъ, одинъ изъ первыхъ выдающихся работниковъ на поле русской древней исторіи и археологіи, академикъ А. А. Куніковъ въ академической речи выразился такъ: «Кто можетъ сомневаться, что самое многостороннее и сильное покровительство Россіи византійскимъ занятіямъ никакой стране не доставитъ столько пріобретеній, какъ самой Россіи? Не Византіи ли обязанъ русскій народъ просвещеніемъ христіанскою верою и не она ли, эта вера, дала силу русскимъ князьямъ и народу выдержать въ продолженіе вековъ деятельное и страдательное противоборство магометанству и, наконецъ, освободиться отъ его ига?.. Большая половина Русской Исторіи не есть ли, говоря вообще, отраженіе исторіи византійской? Въ подтвержденіе того, не упоминая о Кіеве IX века, не говоритъ ли уже одна древняя славяно-русская письменность, произведенія которой состоятъ или изъ переводовъ съ византійскаго (греческаго), или изъ подражанія византійскимъ образцамъ, и которая до Петра Великаго была почти единственною умственною пищею для русскаго народа?»

Итакъ, если греческая (византийская) культура играла такую роль въ нашей исторіи и развитіи, то естественно и ближайшее знакомство съ ней, съ ея древнеклассической основой и съ богатымъ и въ некоторыхъ отношеніяхъ полуроднымъ намъ языкомъ ея должно занять видное место въ нашемъ самопознаніи, въ развитіи нашего національнаго міросозерцанія, а следовательно стать однимъ изъ элементовъ общаго образованія, даваемого русской средней школой. Неужели все это не ясно и не убедительно? Какими же соображеніями могли руководствоваться составители проекта школьной реформы, жертвуя греческимъ языкомъ и оставляя латинскій, который далеко не имеетъ для насъ такого особеннаго, національнаго значенія, хоть мы и не хотимъ отрицать его существенной пользы?

Думаемъ, что эти соображенія были чисто внешнія, такъ сказать формальнаго характера, и следовательно не могутъ выдержать строгой критики. Одни считаютъ греческій языкъ для усвоенія более труднымъ, что вовсе не справедливо; другіе — менее полезнымъ въ практическомъ отношеніи, что также вполне условно. Между темъ въ филологическомъ отношеніи для изученія родного языка и языка церковно-славянскаго — греческій языкъ несомненно для насъ важнее и полезнее латинскаго. Такимъ образомъ мы стоимъ за безусловное сохраненіе рядомъ съ латинскимъ и греческаго языка въ русской нормальной средней школе, — и не вслѣдствіи одного лишь признанія важности классическихъ элементовъ образованія, а также и особенно въ интересе того русскаго направленія, той націонализации, въ духе которой какъ будто имелося въ виду совершить реформу. Но разумеется, мы отстаиваемъ сохраненіе древнихъ языковъ — отнюдь не въ нынешней неестественной и зловердной постановке этихъ предме-

товъ. Они должны быть поставлены на подобающее имъ, сообразно съ общимъ учебнымъ планомъ, место и преподаваться въ умеренныхъ рамкахъ — по совершенно иному, более рациональному и плодотворному методу и съ иною, более разумною и благородною целью. Въ былое время — при такой ихъ постановке — достигали же несравненно лучшихъ результатовъ.

Только въ такомъ случае древніе языки будутъ приносить пользу, и изученіе ихъ не будетъ наносить ущерба другимъ, еще более важнымъ изученіямъ и школьнымъ предметамъ. Выигранное такимъ образомъ время должно быть отдано какъ къ этимъ важнейшимъ основнымъ предметамъ, такъ и всему остальному, что было до сихъ поръ запущено и польза чего ныне общепризнана*.

Само собой разумеется, что центральными предметами въ русской національной школе, требующими усиленнаго вниманія, должны быть русскій языкъ, русская литература и русская исторія. Предположенному усиленію и расширенію ихъ преподаванія нельзя не сочувствовать, равно какъ и введенію такихъ новыхъ предметовъ, важныхъ для подготовки истинныхъ гражданъ, если только ихъ преподаваніе будетъ правильно поставлено, какъ «отечествоведение» и «законоведение». Ведь въ этихъ двухъ пунктахъ проектированной реформы только и выразилась до некоторой степени уступка тому направленію самобытности и націонализма, въ смысле

* Напр. въ известной мере и естественной исторіи.

которых русское общественное мнение понимало необходимость школьной реформы.

Но можно ли удовлетвориться этим одним, т. е. расширением преподавания основных русских предметов и введением в средние школы вышеуказанных новых двух? Неужели этого довольно для национализации нашего общего образования, для успехов развития русского самосознания в нашем обществе? Мы позволяем себе думать, что для достижения такой цели далеко не достаточно увеличить программы русских предметов и сделать более основательным и разносторонним изучение отечества, его жизни и быта. Намъ думается, что тутъ оставляется безъ вниманія еще что-то немаловажное, что однако прямо вызывается и обуславливается теми национальными интересами, о которыхъ мы говорили.

Важна не только полнота преподавания такихъ основныхъ предметовъ, какъ свой языкъ, словесность и исторія; но чрезвычайно важно также и направление, освещение, духъ ихъ изученія, программа, по которой оно ведется, обращеніе преимущественнаго вниманія на те или другія стороны, те или другіе элементы или отделы предмета. Въ этомъ отношеніи особенную пользу и значеніе долженъ имѣть въ изученіи сказанныхъ предметовъ методъ сравненія и сближенія явленій русского и церковно-славянскаго языковъ, русской словесности и исторіи съ родственными фактами и явлениями у другихъ славянъ. Такой сравнительный приемъ, способствуя углубленію въ усвоеніи явленій и расширенію кругозора, не можетъ не быть плодотворенъ; но что особенно важно — онъ именно даетъ возможность ввести въ среднюю школу, и сле-

довательно и въ общее наше образованіе, тотъ элементъ, который въ нихъ до сихъ поръ, къ стыду нашему, совсемъ почти отсутствуетъ, а между темъ безъ усвоенія котораго немыслимы ни правильное развитие нашего народнаго самосознанія, ни истинная націонализация нашего просвѣщенія. Конечно, мы разумеемъ элементы славяновѣденія, къ которому донныне мы видимъ такое непонятное невниманіе и пренебреженіе. Къ величайшему сожаленію, просматривая новые планы и программы въ известномъ проекте школьной реформы, мы не нашли и признаковъ введенія славянской стихіи, хотя бы въ самомъ элементарномъ видѣ, въ программы преподаванія такихъ предметовъ, какъ языкъ русский и церковно-славянскій, исторія русская и всеобщая, словесность и географія, и это упущеніе мы не можемъ не считать большою ошибкой и пробеломъ, несогласными опять-таки съ темъ самобытнымъ направленіемъ, въ которомъ огромное большинство русскаго общества жаждало видѣть нашу школу преобразованною.

Здѣсь мы хотимъ только сделать несколько указаній относительно наилучшаго практическаго осуществленія этой мысли, т. е. способовъ введенія некоторой славянской струи въ преподаваніе наличныхъ историко-филологическихъ предметовъ, ибо о созданіи особаго предмета Славяновѣденія въ средней школе пока не можетъ еще быть речи.

Самое общее знакомство съ соплеменниками съ точки зренія ихъ языковъ и наречій и ихъ отношенія къ русскому

и старославянському могло бы быть приурочено къ преподаванію *русского языка* и въ особенности *церковнославянского*. Этотъ последний предметъ, помимо того, какъ бы самъ собою напрашивается на сгруппированье въ рамкахъ его изученія главныхъ существенныхъ сведений о происхожденіи и судьбахъ славянскаго письма и древнейшей письменности, о роли и культурномъ значеніи старославянскаго языка у всехъ славянъ въ связи съ результатами деятельности Св. Кирилла и Мефодія и ихъ учениковъ, о глаголической письменности и ея роли, объ утрате славянскаго письма большинствомъ католическихъ славянъ въ пользу латиницы, отношеній къ нему латинскаго запада и папства и т. п. Преподаваніе собственно церковно-славянскаго языка не должно быть только формальное, педантичное, въ духе прежней системы: оно должно быть живое, целесообразное и вести къ полному пониманію церковныхъ текстовъ въ целяхъ практическихъ, а съ другой стороны — путемъ сравнительнаго метода — облегчать уразуменіе русской фонетики и грамматики.

Въ преподаваніи *географіи* должно быть спеціально введено обстоятельное обозрѣніе всехъ западныхъ и южныхъ славянскихъ земель, какъ частей одного цѣлаго, т. е. всего міра славянскаго, срединного между европейскимъ западомъ и азіатскимъ востокомъ. Къ этому обзору, конечно, могли бы быть присоединены и необходимѣйшія этнографическія, статистическія и политическія сведения о славянахъ, отсутствіе которыхъ въ массе нашей интеллигенціи является ныне непростительнымъ пробеломъ въ ея образованіи. Такое самостоятельное географическое обозрѣніе славянскихъ территорій дало бы, наконецъ, поводъ и возможность русской географіи хоть отчасти освободиться изъ постыднаго плена иностранной, немецкой номенклатуры, у насъ

донины царствующей, и русскіе люди постепенно отстали бы отъ несчастной привычки называть Лембергомъ, Черновицемъ, Нейзацемъ, Агромъ, Лайбахомъ, Олмюцомъ, Брюномъ, Будвейсомъ, Кенигингрецомъ, Бауценомъ и проч. славянские города: Львовъ, Черновцы, Новый-Садъ, Загребъ, Любляна, Оломуць, Берно, Будейовицы, Кралевоградецъ, Будишинъ и проч.!

Переходимъ теперь къ *русской исторіи*. Ее также естественно и полезно было бы проходить по программе, несколько пополненной общеславянскимъ элементомъ. Это особенно относится къ древней русской исторіи, въ которой имеется много важныхъ и поучительныхъ моментовъ и точекъ соприкосновенія съ судьбами южныхъ и западныхъ нашихъ соплеменниковъ, которые должны быть выдвинуты и рассмотрены более обстоятельно. То же следуетъ применить къ позднейшимъ эпохамъ — по отношенію къ Польше; более близкое ознакомленіе съ ея судьбой и сопоставленіе особенностей и явленій ея внутренней исторіи съ фактами и явлениями русскаго прошлаго было бы весьма полезно для развитія самосознанія будущихъ русскихъ гражданъ. Вообще при толкованіи основныхъ политическихъ и культурныхъ явленій и событій русской исторіи и внешнихъ отношеній Россіи не должны быть упускаемы изъ виду общеславянская точка зрѣнія и культурно-политическія отношенія къ Славянскому міру — съ одной стороны романо-германскаго запада,

съ другой стороны восточной, Византийской империи, а затемъ сменившей ее Турции.

Уже изъ обсуждения нами выше вопроса о греческомъ языке достаточно ясно, какое значение мы придаемъ византийскимъ изученіямъ для русской истории; а потому и въ школьной программе последней, а равно и всеобщей истории Византии должно быть отведено видное место и разностороннее внимание. Далее, и въ преподаваніи старой *русской словесности и письменности* — нельзя обойтись безъ указаній на родственныя явленія, на славянскіе источники и параллели. И тутъ сравнительный славянскій элементъ послужить лишь къ лучшему усвоенію и уразуменію своего родного.

Но если въ такіе предметы, какъ русскій языкъ, история и словесность, славянская стихія должна войти лишь какъ элементъ объяснительный и сравнительный, то въ такомъ предмете какъ *всеобщая история* (аналогично съ географіей), положеніе его уже иное, вполне самостоятельное. Здесь онъ долженъ занять — сообразно своему отношенію къ намъ — подобающее ему по праву, законное место. Въ русскихъ гимназическихъ курсахъ, какъ средней, такъ и новой истории судьбы западнаго и южнаго славянства не могутъ оставаться на заднемъ плане, въ тени и пренебреженіи, какъ это было до сихъ поръ. Такое обидное къ нимъ отношеніе не соответствуетъ ни положенію и значенію славянъ, какъ нашихъ соплеменниковъ, а отчасти единовѣрцевъ, ни той выдающейся исторической роли, которую они играли въ политической и культурной истории средней и юго-восточной Европы, германской и некоторыхъ другихъ историческихъ народ-

ностей арийскаго и неарийскаго корня. Если такъ было до сихъ поръ, къ великому стыду нашему, то это объясняется только нашею духовною несамостоятельностью, нашею печальною зависимостью отъ запада, его взглядовъ и точекъ зренія, главнымъ образомъ, немецкой науки и немецкаго учебнаго матеріала, который некогда безъ соображенія и смысла пересаживался къ намъ и служилъ для компиляцій нашихъ педагоговъ-авторовъ. Славянамъ и ихъ историческому прошлому отводилось въ нихъ столько же места и вниманія, сколько считали удобнымъ уделять имъ немцы съ своей узко-національной, политически-тенденціозной точки зренія. Часто и освещеніе и окраска событій и данныхъ также заимствовались оттуда же и украшали русское изложеніе. Неужели этому суждено еще продолжаться?

Достоинство русской науки и русскаго просвещенія настоятельно требуетъ, чтобы программа и преподаваніе всеобщей истории было ныне усовершенствовано въ указанномъ нами смысле: чтобы, во-1-хъ, изложеніе и характеристика событій и явленій европейской истории получили вместо чуждаго, преимущественно германскаго — наше оригинальное руско-славянское освещеніе, особенно тамъ, где въ нихъ играетъ роль славянство и где эта история соприкасается съ судьбами восточныхъ странъ; во-2-хъ, чтобы въ программе этого предмета были посвящены особые, достаточно обстоятельные отделы (последовательно, въ каждой эпохе) прежде всего Чехии и Польше, затемъ другимъ придунайскимъ

и прикарпатскимъ славянамъ въ Венгрии и Австрiи, наконецъ балканскимъ и при-адриатическимъ славянамъ (Болгарамъ, Сербамъ, Хорватамъ и Словенцамъ), главнымъ образомъ въ эпохи ихъ политической самостоятельности, но также и въ позднейшія; наконецъ, въ 3-хъ, чтобы это изложенеіе исторiи славянъ было доводимо до нашего времени и при этомъ давалась общая характеристика современнаго ихъ положенія. Только при такой самостоятельной, более осмысленной и проникнутой одной руководящей идеей постановке преподаванія перечисленныхъ основныхъ русскихъ и общихъ предметовъ могутъ получиться благопріятные результаты въ развитіи нашего національнаго образованія, въ подготовкѣ образованныхъ русскихъ людей съ твердой почвой подъ ногами и съ самосознаніемъ не только русскимъ, но более широкимъ, русско-славянскимъ. Разумеется, высказанными нами здесь требованіями далеко не исчерпывается все содержаніе идеи національной русской школы. Мы отметили здесь только те, по нашему убѣжденію, крупныя несовершенства и пробѣлы, которые насъ особенно смутили въ новомъ проекте школьной реформы, отъ которой мы ждемъ исправленія старыхъ греховъ, возмещенія многихъ прежнихъ недочетовъ.

Истинная націонализація школы требуетъ вообще полнаго согласованія всего подбора и группировки школьныхъ предметовъ, гуманитарныхъ и реальныхъ, всей образовательной

и воспитательной системы, съ характеромъ, склонностями и способностями народа, съ современными общественными потребностями и запросами, наконецъ, съ національными, следовательно, и государственными задачами и интересами.

Если намъ скажутъ, что все это хорошо, но что реформа преподаванія въ указанномъ нами смысле встретила бы непреодолимые препятствія въ существованіи у насъ соответственныхъ и стоящихъ на высоте требованій руководствъ и учебныхъ пособій, то мы въ отвѣтъ выскажемъ наше убѣжденіе, что спросъ несомненно вызоветъ скоро и предложеніе, что определенно и ясно поставленные требованія, введенныя въ обязательныя учебныя программы, вызовутъ постепенно и необходимую учебную литературу, точно такъ же, какъ они же вызовутъ и надлежащую подготовку стоящаго на уровне задачъ времени педагогическаго персонала. Конечно, дело не можетъ пойти сразу вполне удовлетворительно, но такое соображеніе не можетъ останавливать правительство на пути неотложныхъ и давно ожидающихъ очереди усовершенствованій нашего учебнаго строя.

Авг. 1901

